

Тема номера:
парадигмы, подходы и теории в современной антропологии

© С.В. Соколовский

Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта

Ключевые слова: антропологическое знание, антропологические теории, парадигма, субдисциплина, когнитивная антропология, этнология, онтологический поворот, DeepSeek

В статье рассматривается вопрос о существовании парадигмальных структур в современной антропологии. Рассматриваются роли дисциплинарной матрицы и консенсуса для развития антропологических дисциплин. Сравняются оценки тематической подразделенности нескольких антропологических субдисциплин, полученные при запросах DeepSeek, с авторскими оценками состояния этих областей знания. Выявляются недостатки действующих поисковых систем, использующих искусственный интеллект.

За время своего существования мировая антропология накопила множество обобщений — теорий, концепций, гипотез, методологий и подходов, а также общих утверждений о наличии определенных закономерностей. Современные руководства и энциклопедии содержат десятки, а иногда сотни статей, посвященных концепциям разного уровня универсальности и сложности, наделяемых статусом теории (ср.: *Ortner* 1984; *Yengoyan* 1986; *Birx* 2006; *Moore, Sanders* 2006; *Barnard, Spencer* 2010; *McGee, Warms* 2013), например, раздел «Теория и метод» Международной энциклопедии антропологии содержит 140 статей (*Internat. Enc. of Anthr.* 2018). Часть таких теорий и концепций являются кроссдисциплинарными в том смысле, что относятся не только к антропологии, но используются также и в других социальных науках и гуманитарных дисциплинах. Некоторые из этих теорий имеют множество вариантов, иногда носящих имена их авторов (известные российским антропологам примеры: теории этноса в версиях Ю.В. Бромлея, С.М. Широкогорова и Л.Н. Гумилева), так что реальное разнообразие и число таких «теорий» намного превышает число посвященных им статей в справочной литературе.

После нескольких революций в классической эпистемологии мало у кого из исследователей остались сомнения, что теоретическое знание является

Соколовский Сергей Валерьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра антропоэкологии ИЭА РАН. e-mail: sokolovskiserg@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-0112-0739>

Для цитирования: Соколовский С.В. Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта // *Антропологии/Anthropologies*. 2025. No 1. С. 5-28, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-1/5-28>

специфическим *продуктом дисциплинарной культуры* и, стало быть, законным объектом исследования не только философской эпистемологии, но и социологии и антропологии науки. Речь здесь не идет о социологии знания первой волны, в которой обосновывался тезис о влиянии интересов и мотивов привилегированного слоя ученых (ср.: *Mannheim* 1936), и не о социологии и антропологии знания второй волны, в которой демонстрировалось влияние социального уклада на производство знаний и зависимость науки от доминирующей идеологии (*Latour, Woolgar* 1979; *Knorr-Cetina* 1981; *Gilbert, Mulkey* 1984; *Collins* 1985), но о том, что любое человеческое знание, включая строгое и научно выверенное, является *продуктом истории и культуры*, опосредованным специфическими практиками и убеждениями. Такой взгляд на знание позволяет антропологу исследовать его производство в разных культурных и социальных контекстах, включая собственное сообщество, и рассматривать это знание как *культурный артефакт*.

Что в черном ящике?

Известный американский философ Джон Сёрль, объясняя в одной из своих работ медленный прогресс философии по сравнению с темпами прироста знаний науки, в качестве одной из причин назвал *рамочный характер* философского знания — тенденцию рассматривать рамочные условия интеллектуальной работы, а не специфические структуры внутри этих рамок. Он приводит разъясняющие это утверждение примеры: при рассмотрении причин СПИДа мы предполагаем, что мы знаем, что такое *болезнь* и что такое *причина* и применяем методы раскрытия причин заболеваний. Мы располагаем даже соответствующей теорией — вирусной теорией заболевания. Однако когда мы задаем вопрос, что такое причинность вообще, мы чрезвычайно расширяем рамки и утрачиваем методологию, разработанную для узких и специальных случаев, и нам приходится прибегать к весьма общему понятию *причины* и семейству связанных с ним понятий — *эффекта, результата, основания, объяснения* и т. д. И методы, применяемые здесь, уже не являются методами эмпирических наук, где существуют эксперимент или массовый опрос; вместо них мы можем воспользоваться лишь логическим и концептуальным анализом (*Searle* 1998: 158–160). Эти рамочные понятия предельной общности, которые философы часто называют *категориями*, имеют ту мало удобную для эмпириков черту или характеристику, что на протяжении столетий, оставаясь рамочными, то есть внеопытными или умозрительными (спекулятивными), они продолжают выступать предметами ожесточенной полемики между представителями различных философских направлений и школ и в то же время в конкретных науках и дисциплинах принимаются в весьма размытом значении, исполняя роль объяснительной рамки. Латур бы сказал, что они помещаются в черный ящик, начиная функционировать как машина для производства объяснений, чей механизм остается для рядовых пользователей скрытым (*Латур* 2013, 2014).

В антропологии помимо понятия *причина* существует еще, наверное, около дюжины понятий, смысл и содержание которых исследователи оставляют весьма неопределенным, в то же время полагая его ясным. Он не определен, поскольку зависит от философской позиции исследователя, часто не рефлексивной. Например, понятие *причины* (*структуры, системы, процесса, события, идентичности*), используя во многих работах антропологов

по умолчанию, то есть без эксплицитных определений, будет нести разные смыслы у исследователей, стоящих на позициях позитивизма, натурализма, научного и наивного реализма, прагматизма, феноменологии, аналитической или континентальной философии, психоанализа и т.д. При этом социолог или антрополог обычно не дает себе труда пояснить, в каком именно смысле он использует рамочные понятия, считая их ясными без определений. Это и есть функционирование понятийных систем в режиме черного ящика — исследователь сосредоточен на концепциях среднего уровня, а не на базовых понятиях, как если бы от последних этот ход его рассуждения совсем не зависел. Примерно так же домохозяйка пользуется бытовыми приборами, не считая нужным разбираться, по каким законам течет ток в проводах, откуда берется холод в холодильнике, или как передается звук и изображение на расстоянии в ее телефоне, телевизоре и радио. Однако в отличие от технических устройств, где уложенные в «черный ящик» функции стабилизируются, черные ящики в социальном и гуманитарном знании имеют крайне неопределенное содержание, которое лишь *воображается* стабильным и однозначным. Между философскими категориями и концептами эмпирических наук существует серая зона, куда философы заглядывают лишь для уточнения собственного понятийного аппарата, а «эмпирики», считая ее чужой, поскольку там их методы не работают, оставляют ее плохо освоенной и недостаточно продуманной.

Усугубляет ситуацию и сохраняющийся разрыв между так называемыми точными и естественными науками, с одной стороны, и социальными и гуманитарными дисциплинами, с другой. Предложенное в конце XIX в. Вильгельмом Дильтеем противопоставление наук о духе — наукам естественным, переформулированное затем Вильгельмом Виндельбантом в противопоставление номотетических наук — идеографическим, за рамками философии было поддержано в ряде научных дисциплин, например, полувеком спустя в психологии — Гордоном Олпортом (*Allport 1937*), а также нашим современником Джеромом Брунером, утверждавшем в середине 1990-х годов, что люди организуют свое знание о мире лишь двумя способами — один отведен для физических «вещей», а другой — для людей и их занятий, и первый известен как *логико-научное мышление*, а второй — как *мышление нарративное* (*Bruner 1996: 39–40*). Таким образом Брунер еще раз подчеркнул методологическое различие в получении знаний о природе и знаний о человеке и обществе, согласившись с философами, считавшими, что в случае явлений природы мы можем опираться на *объяснение*, в случае мира культуры — только на *понимание* и *интерпретацию*. Таким образом, социально-гуманитарные дисциплины мыслились как область применения по преимуществу герменевтических методов, раскрывающих субъективные смыслы и значения, но не объективные факты. Если верить Брунеру, социальные науки, включая антропологию, должны опираться исключительно на особый и не зависимый от естественных наук аналитический инструментарий, а именно — понятийный аппарат нарратологии и семиотики. Было бы соблазнительно представить созданную по рекомендации Брунера нарративную антропологию, которая распалась бы на *дескриптивную* (и в этом смысле — не имеющую нарративных структур) этнографию и повествовательную, или нарративную антропологию, основанную на методах нарратологического анализа. В логическом и содержательном отношениях такое разделение поддерживает прежнее противопоставление не нагруженной теорией *наблюдения* (чистую дескриптивность наивно-натуралистического взгляда) — теоретически нагруженному антропо-

логическому *письму*, построенному на *сравнении* мест, состояний, процессов, культур и обществ. Такое разделение хорошо соответствует и старому философскому противопоставлению *разума* и *рассудка*, где первому с его образным воображением и интуитивными прозрениями отводится роль собирателя общих впечатлений, а второму — их анализ и логическое упорядочивание. В нейрофизиологии, если речь идет о праворуких, это же противопоставление связывается с деятельностью правого и левого полушарий, соответственно.

Методы и парадигмы

Сегодня мы уже нечасто вспоминаем, что антропология задумывалась и рождалась как наука *естественная*, основанная на наблюдениях за «примитивными племенами» в не затронутых цивилизацией местах. Один из классиков британской антропологии Уильям Риверс в работе, выдержавшей множество переизданий и ставшей своего рода библией полевой этнографии — *Notes and Queries on Anthropology*, рекомендовал этнографу «провести год и более» в сообществе численностью «не более 400–500 человек, более или менее значительно отличающихся от окружающих народов, например, с обитателями какого-нибудь острова или географически изолированного района», «освоить местный язык и установить личные отношения с каждым из его жителей», чтобы получить доступ ко всем «особенностям местной жизни и обычаям в их конкретных деталях», принять местный образ жизни, чтобы на собственном опыте обрести «способность думать и чувствовать как туземцы» (Rivers 1912: 143). Малиновский называл Риверса своим «святым покровителем» и следовал практически во всем предложенному им методу, вдохновленному биогеографическим подходом Дарвина и работами натуралистов. Подход натуралистов, желающих изучать жизнь не в зоопарках, но в естественных, не искажающих поведения объектов наблюдения условиях, был распространен и на сообщества «народов без истории». Известно, например, что А. Рэдклифф-Браун жаловался на то, что информанты, встреченные им в местах отбывания наказания на Андаманских островах (предусмотренных колониальным правительством для повстанцев Великого индийского восстания 1857 г.), уже не помнят «добрых старых времен»; поэтому он пытался интервьюировать только тех, кто «не знал ни слова на иных языках, кроме собственного». Так возник его план поездки на Никобары, где собираемые материалы были бы менее испорчены контактами с чужаками, подобными ему самому (Tomas 1991: 95–96). Американский историк науки Хенрика Куклик, детально анализировавшая литературу того периода, показывает, что само использование антропологами *полевой работы* следует рассматривать в контексте общих трансформаций практик натуралистов в конце XIX — начале XX в. Подобно другим «полевым наукам» (зоологии, ботанике, геологии), антропология обнаружила и свой отличительный объект, и собственный метод в «детальном изучении ограниченных областей» (Kuklick 1996, 1997, 2011).

Происхождение антропологии как *естественной науки* о раннем человеке оставило глубокий след, ощущаемый в ее вполне современных практиках. Заниматься полевой работой было поначалу тем же, что и выполнять исследования в одной из областей *естественной истории* с ее основными методами — *наблюдением* и *экспериментом*. Исследовательским объектом, который следовало изучать интенсивно и на ограниченной территории, было «примитивное человечество» в его «естественном состоянии». Можно также

еще раз отметить, что сам термин *полевая работа* был введен в антропологию бывшим зоологом Альфредом Хэддоном, заимствовавшим его из словаря естествоиспытателей (*Stocking 1992; Kuklick 1997*). Как отмечает Дж. Стокинг, Хэддон задумывал свое первое полевое исследование в проливе Торреса исключительно в контексте естественной истории. Он намеревался «исследовать фауну, структуру и способ образования коралловых рифов» (*Stocking 1992: 21*). Это методология была перенесена затем на туземные сообщества. Такая практически лабораторная установка на изучение объекта в как можно менее нарушенных вмешательством извне условиях свидетельствуют о том, что попытки выстраивания строгого естественнонаучного знания остаются с нами и сегодня в той мере, в какой мы опираемся на полевые исследования и наблюдение как их основной метод.

Рассмотрение естественно-исторических истоков и контекста формирования методов антропологических исследований понадобилось здесь для того, чтобы поставить под сомнение тезис Томаса Куна об отсутствии парадигматических структур в социальных науках. В предисловии к своей знаменитой книге Кун определял парадигму следующим образом:

Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений (*Кун 1977: 11*).

Это определение приводится сразу же за его пояснением, из которого следует, что для Куна коренным отличием социальных наук от естественных было как раз отсутствие парадигм как консенсуса относительно основ дисциплины в случае социальных наук и наличие такого консенсуса у естественников:

... проведя год в обществе, состоявшем главным образом из специалистов в области социальных наук, я неожиданно столкнулся с проблемой различия между их сообществом и сообществом ученых-естественников, среди которых обучался я сам. В особенности я был поражен количеством и степенью открытых разногласий между социологами по поводу правомерности постановки тех или иных научных проблем и методов их решения. <...> Как бы то ни было, практика научных исследований в области астрономии, физики, химии или биологии обычно не дает никакого повода для того, чтобы оспаривать самые основы этих наук, тогда как среди психологов или социологов это встречается сплошь и рядом. Попытки найти источник этого различия привели меня к осознанию роли в научном исследовании того, что я впоследствии стал называть «парадигмами» (Там же: 11–12).

Однако, если исходный контекст производства антропологического знания продолжает оказывать влияние на сегодняшние дисциплинарные практики (а это так, поскольку *наблюдение* продолжает занимать центральное место среди антропологических методов), то из этого следует, что антропология в целом не слишком кардинально отделилась от методов естественных наук и, стало быть, ее развитие может рассматриваться в предложенной Куном логике научных революций с их сменой доминирующих парадигм. Использование наблюдения и эксперимента (вспомним, что участники британской

экспедиции в проливе Торреса проводили эксперименты регулярно, сравнивая восприятие туземцев с собственным) действительно сближает нашу дисциплину с методологией естественных наук, что в свою очередь дает основания говорить о том, что в ней, вопреки мнению тех философов и историков науки, кто утверждает, что социальное знание не имеет парадигмального характера, все-таки могут существовать структуры им подобные, статус которых необходимо уточнять для различных периодов истории дисциплины и конкретных случаев национальных традиций и областей исследований или антропологических субдисциплин и специализаций.

Помимо истории дисциплины, связывающей ее с естественно-научными подходами, есть еще и ее коллатеральные связи на стыке с науками, в большей степени ориентированными на *эксперимент*, в том числе и лабораторный, с наличием строго контролируемых параметров и верифицируемых гипотез. Примерами таких альянсов с поведенческими и биологическими науками, помимо собственно био- или физической антропологии, могут служить когнитивная или психологическая антропология, эволюционная антропология, антропоэкология и медицинская антропология. Обсуждение самого наличия и статуса таких приближающихся по своей роли к парадигмальным структурам в современном антропологическом знании и является целью данной статьи.

Фокусировка на *консенсусе* внутри дисциплинарного сообщества при обсуждении вопроса о наличии парадигмальных структур в конкретной дисциплине вполне оправдана, поскольку без наличия внутридисциплинарного консенсуса нет смысла говорить и о смене парадигм и даже о наличии теории, что многократно демонстрировалось в анализе представителей всех трех волн социологии и философии науки. Сегодня более интересным для диагностики состояния конкретного научного направления, специализации, области исследований или субдисциплины представляется рассмотрение *дискуссий* и разногласий, позволяющих высветить всю картину альянсов и размежеваний в рамках таких синтетических областей знаний, как знания антропологические. Такое рассмотрение сразу обнаруживает не столько *несоизмеримость* конкурирующих концепций в рамках конкретных направлений исследований, сколько *разнонаправленность* самих этих направлений, практически не пересекающихся в своих предметах, объектах, а зачастую — и в методах. Уже одно это обстоятельство говорит нам о том, что единство антропологии как дисциплины обеспечивается исключительно *институциональными усилиями* и *инерцией* сложившегося разделения труда, поскольку между многими ее специализациями (а они насчитываются уже десятками) не остается никаких объединяющих скреп и сходств, помимо уже названных административно-организационных и исторических факторов. Принятие этого утверждения означает, между прочим, что у нас исчезают основания рассуждать об общих теориях или парадигмах, характеризующих *дисциплину в целом*, с оговоркой, что в принципе могут существовать научные идеологии, подобные эволюционизму, функционализму, или (пост)структурализму, все еще способные объединять (и разделять) сообщества практикующих антропологов.

Однако если игнорировать административно-бюрократический аспект внешней классификации научных дисциплин (как и чисто прикладной аспект таких классификаций, связанный с организацией университетского преподавания), то остается вопрос, можем ли мы говорить о наличии парадигм

и теорий в контексте конкретных антропологических субдисциплин или специализаций. В данном случае ответ будет не столь однозначен и очевиден, поскольку ситуация здесь зависит от конкретных национальных традиций, направлений и областей исследования, (суб)дисциплинарных сообществ и объединяющих или разделяющих эти сообщества методологий и подходов. Структура коалиций и консенсусов в разных национальных традициях уникальна, сложна и запутанна, иными словами, мало предсказуема, поскольку в значительной степени зависит от внешних факторов: политических идеологий, стилей управления наукой и т.п., то есть от исторических случайностей, а не от внутринаучных закономерностей развития знания. Именно в силу данного обстоятельства невозможно дать *общий ответ* на вопрос, существуют ли парадигмы в антропологии, однако можно диагностировать их наличие либо отсутствие и состояние (псевдо-, квази-, пред-, мульти-, постпарадигмальность) конкретной субдисциплины на конкретном этапе ее развития в рамках определенной национальной исследовательской традиции. Чтобы это продемонстрировать, необходимо обратиться к конкретным кейсам.

В давнем интервью, взятом у Джорджа Маркуса редактором аргентинского журнала *Потлач* Марсело Писарро и опубликованном сначала по-испански в одном из газетных приложений, а затем и в переводе на английский (*Marcus, Pizarro 2008*), американский антрополог отмечает, что хотя при взгляде извне антропология выглядит как процветающая дисциплина с весьма востребованным знанием, оценка изнутри с позиций свежего мышления и новых подходов не столь радужна. По его словам, после волны критики середины 1980-х годов исследовательская повестка стала почти полностью определяться междисциплинарными движениями: феминизмом, исследованиями медиа, постколониальным подходом и STS, вдохновленными событиями 1970–1980-х годов во Франции и проникнувшими в антропологию благодаря таким дисциплинам как литкрит и критика культуры. Однако к середине 1990-х годов все эти влияния и движения ослабли, а кардинально новых идей не появилось, так что преобладающей темпоральностью для антропологов стало отслеживание истории в настоящем в попытках предугадать будущее развитие. По его мнению, антропология наиболее успешна в ситуациях, требующих максимально близкого и интимного наблюдения, своего рода глубокого журнализма. Центробежные тенденции развития антропологического знания как междисциплинарного оставили ядро дисциплины без связующих идей относительно места и роли антропологии в современном мире¹. Между тем, творческое переосмысление и переизобретение этнографии как метода на метаметодологическом уровне (то есть не только техник полевого исследования, но и самой методологии полевой работы) представляет, с его точки зрения, важнейший теоретический интерес для нынешней антропологии, а ключом к достижению этих целей являются изменение профессиональных норм и методов подготовки будущих антропологов, а также поиск новых стилей антропологического письма (*Ibid.*: 2–5).

Итак, если довериться суждению одного из самых проникательных критиков антропологии, наиболее существенной среди ее проблем оказывается *фрагментация дисциплины* и отсутствие связующих ее специализации об-

¹ В силу важности данного утверждения для дальнейшего изложения приведу его в оригинале: «The center is fragmented, and while not empty literally, is indeed empty of coherent ideas about what anthropological research is» (*Marcus 2008*: 4).

щих компонентов, но главным образом — общих идей или концепций, то есть доминирующей парадигмы. Значение такой парадигмы для существования и прогресса любой научной дисциплины было ясно уже в 1960-е годы благодаря работам Куна и его коллег. Однако в отличие от разобранных ими примеров из естественных наук, ситуация с парадигмальным устройством знания в науках социальных с самого начала была дискуссионной. Некоторые аспекты этих дискуссий в приложении к антропологическому знанию рассматриваются ниже.

Дисциплинарные матрицы и парадигмы

Доминирующая парадигма и охватываемые ею теории, концепции, гипотезы, методы, ценности и нормы любого конкретного научного направления всегда находятся в необходимой связи. Нарушение этого условия свидетельствует либо о кризисе парадигмы (Кун называл это кризисом легитимации), либо о псевдонаучном характере данного направления. Помимо этого, на развитие дисциплинарного знания неизбежно влияют как *научные*, так и *политические* идеологии, и эти источники влияния следует различать и разводить не только потому, что один относится к внутренним факторам, а второй — к внешним, но и потому, что они сказываются на общей структуре знаний в (суб)дисциплине и уровне консенсуса внутри нее, а значит и на статусе этого знания в аспекте его соответствия одной из характеристик в диапазоне возможных парадигмальных состояний. Влияние внеучных политических идеологий может способствовать формированию ложных (псевдо- или квази-) парадигм, примерами которых изобилуют отдельные периоды в развитии советской науки (лысенковщина в биологии, борьба с генетикой и кибернетикой, догматический марксизм в общественных науках, приведший к разгрому социологии и стагнации философии и политических наук и т. п.). Аналогичные девиации антропологического знания у наших коллег за рубежом (расизм, социальный дарвинизм в отдельных ветвях современной социобиологии и эволюционной антропологии, креационизм и т. п.) продолжают влиять на развитие этого знания в ряде национальных традиций (ср.: *Cameron, Wycoff* 1998).

Стоит также заметить, что содержание понятия парадигмы, недостаточно строго определенное в момент его введения (ср.: *Masterman* 1970), продолжает вызывать дискуссии у современных историков и философов науки. Во второе издание «Структуры научных революций» Кун включил два новых раздела, озаглавленных им «Парадигмы как наборы предписаний для научной группы» и «Парадигмы как общепризнанные образцы», в которых он свел выделенные Маргарет Мастерман «22 дефиниции» этого понятия к двум основным употреблениям: 1) заменив общий термин в первом случае на термин «дисциплинарная матрица» и включив в него множество компонентов из первоначальных использований понятия парадигмы как *набора предписаний*; в частности, такие элементы как система формальных обозначений, метафизические утверждения, ценности (например, такие как точность предсказаний); 2) общепризнанные образцы решения проблем, которые входят в качестве четвертого элемента в дисциплинарную матрицу, тем самым представляя парадигму в узком (относительно употреблений этого понятия в первом издании) смысле в качестве самостоятельного элемента дисциплинарной матрицы (*Kuhn* 1970: 181–191). Это разъяснение, как и последующие усилия ученых, не привели, однако, к сколько-нибудь прочному согласию относительно содержания

данного понятия, и сегодня оно продолжает использоваться в весьма широком и нестрогом смысле, затрудняющем его отличие от понятий *подход*, (научная) *идеология*, *традиция*, *исследовательская программа*, *интеллектуальный тренд*, или *научная мода*.

Ситуацию усложняет и то обстоятельство, что в разных дисциплинарных сообществах оно используется идиосинкратически, с дополнительными смыслами и их нюансами, осложняющими работу науковедов, пытающихся придать ему более определенный и строгий смысл. Даже в границах отдельных дисциплин его содержание варьирует в зависимости от национальной традиции или возрастной когорты (ср: *Fernandez 1974, Scholte 1983, Jennaway 1990, Kurtz 2001, Hoffman 2011, Hart e. a. 2019*). Можно, конечно, попытаться эксплицировать общие значения этого понятия в рамках конкретной дисциплины на основе анализа его употреблений в статьях и монографиях за достаточно длительный период, но такая задача — предмет для отдельной статьи, а скорее даже — монографии.

AI как инструмент оценки дисциплинарных знаний

Для целей этой статьи я использовал более экономный по времени способ, сформировав серию запросов относительно *числа парадигм в современной антропологии* к китайскому приложению DeepSeek, реализованному на платформе искусственного интеллекта DeepThink (R1). Полученный в результате этих запросов ответ представляет некоторый интерес в плане выявления наиболее распространенных и общеупотребительных значений понятия «парадигма». DeepSeek сообщил, что «парадигма в антропологии отсылает к набору концепций, теорий и методов, которые определяют то, как антропологи понимают и изучают культуры, общества и поведение людей» и перечислил десять парадигм с их лидерами и главными темами исследований, а в отдельных случаях — и с критикой в их адрес:

- 1) *эволюционизм XIX века* (Л.Г. Морган, Э. Тэйлор) — развивался под влиянием теории эволюции Дарвина и объяснял развитие человеческих обществ как линейный прогресс от стадии «дикости» до стадии «цивилизации»; критике подверглись идея линейности эволюции и этноцентризм при рассмотрении культуры;
- 2) *исторический партикуляризм (культурный релятивизм)* начала XX в. (Ф. Боас) — отрицал универсалистские эволюционные модели и подчеркивал уникальность исторического развития каждой культуры; опирался на детальные полевые исследования и лег в основу современной культурной антропологии;
- 3) *функционализм* начала — середины XX в. (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун) — подчеркивал роль функционирования культурных практик и социальных институтов в поддержании порядка и стабильности общества, при этом Малиновский фокусировался на индивидуальных потребностях, а Рэдклифф-Браун — на социальных структурах; повлиял на возникновение структурного функционализма в социологии;

4) *структурализм* — середина XX в. (К. Леви-Стросс) — раскрытие (с привлечением методов лингвистики и семиотики) структур человеческого мышления и культуры на основе анализа мифов, символов и систем родства; повлиял на становление когнитивной и символической антропологии;

5) *символическая и интерпретативная антропология* — середина — конец XX в. (К. Гирц, В. Тёрнер) — интерпретация культурных символов и значений, взгляд на культуру как на текст (Гирц); понимание культуры из перспективы ее носителей;

6) *марксистская антропология* — середина — конец XX в. (Э. Вольф, М. Годелье) — исследования проблем власти, неравенства и материальных условий социальной жизни, влияния экономических систем на социальные отношения и культурные практики; повлияла на экономическую антропологию;

7) *постмодернизм* и рефлексивность — конец XX в. (Дж. Клиффорд, Дж. Маркус) — критика объективности и авторитета антропологического знания, подчеркивание роли антрополога в его производстве; внимание к отношениям власти и большая рефлексивность в ходе этнографических исследований; привел к переоценке полевых методов исследования и репрезентации;

8) *феминистская антропология* — конец XX в. (Ш. Ортнер, М. Стратерн) подчеркивание роли гендерного фактора в социальной и культурной жизни и критика патриархального доминирования в антропологических исследованиях; повлияла на гендерные исследования и женское движение;

9) *мультивидовая этнография* и *постгуманизм* — XXI в. (А. Тцинг, Д. Хэрауэй) — пока еще оформляющаяся парадигма, исследующая отношения между людьми и другими биологическими видами, направленная против антропоцентризма и подчеркивающая взаимозависимость всех видов живого; отражает современную природоохранную повестку и проблемы Антропоцена;

10) *постколониальная* и *индигенная антропология* — XXI в. (Л.Т. Смит, В. Делориа) — критика колониального наследия антропологии, исследования индигенных знаний и перспектив, исследования в сотрудничестве с коренными народами; часть движения за права коренных народов.

Общее содержание комментариев DeepSeek не вызывает возражений — оно практически совпадает с разделами современных учебников по истории антропологии (за исключением, пожалуй, мультивидовой этнографии — слишком нового направления, пока не завоевавшего широкое признание и не вошедшее в учебные руководства). Заслуживает внимания и тот факт, что практически все перечисленные подходы отражают значительно более широкий контекст социальных и гуманитарных дисциплин в целом, а не только антропологии, так что в данном отношении AI дал распространенный,

но не вполне точный ответ на запрос, к тому же избыточно широко трактуя термин «современный», включив в ответ и ранние периоды развития антропологического знания. При уточнении запроса («наиболее влиятельные антропологические теории в текущем веке») он выдал еще десяток направлений, открыв список мультимедийной этнографией и продолжив его онтологическим поворотом, деколониальной теорией, постгуманизмом, теорией аффекта, антропоценом и антропоэкологией, феминистской антропологией и интерсекционализмом, цифровой антропологией, глобализацией и транснационализмом, и, наконец, критической медицинской антропологией, снабдив каждую из позиций коротким списком ее лидеров. Интересно, что в этот список практически не попали старые и давно институализированные области специализации типа тех же лингвистической или когнитивной антропологии. Задай я подобный вопрос себе, я бы дал практически такой же ответ, исключив, пожалуй, лишь фактически исчерпавшую себя тему глобализации, но включив вместо нее упоминание атмосферного поворота, в последнее десятилетие захватившего большинство социальных наук и продолжающего вовлекать в свою орбиту все новые области.

В комментарии DeepSeek, однако, отмечается, что часть этих парадигм не являются взаимоисключающими, что противоречит смыслу, вкладываемому в данное понятие Куном, поскольку сосуществование нескольких парадигм в рамках одной дисциплины, то есть ее «мультипарадигмальность» в соответствии с его взглядами свидетельствует скорее о незрелости этой дисциплины и, по сути, о до- или предпарадигмальном статусе корпуса ее знаний. Мультипарадигмальность по Куну не может рассматриваться как «нормальная фаза» в развитии науки, поскольку для такой фазы характерен консенсус в сообществе относительно базового набора предписаний и образцов решения проблем. Сосуществование в рамках дисциплины нескольких парадигм может объясняться либо ситуацией научной революции, когда старая парадигма вытесняется новой, либо подозрением, что мы сталкиваемся с псевдопарадигматическими структурами, лишь закамуфлированными под научное знание, либо, наконец, существованием набора мало связанных между собой дисциплин, формально объединяемых под общим названием в силу исторической инерции (например, запаздывания с обновлением классификации научных направлений, или консерватизма системы университетского обучения по факультетам). В последнем случае возникает любопытная ситуация, косвенно подтверждаемая состоянием некоторых антропологических дисциплин, например, лингвистической антропологии, в границах которых, как представляется ее последователям, функционируют конкурирующие комплексы концепций, методов, норм и ценностей, что дает основание рассматривать их в качестве полноценных парадигм (ср.: *Keesing 1972, Casson 1997, Duranti 2003*). Наличие похожих структур отмечалось исследователями также в рамках экономической антропологии (ср.: *Prattis 1973, Forte 1997*), антропологии морали (*Eberhardt 2014*), когнитивной антропологии (ср.: *Keller 2011, Meijl n. d.*), в антропологии бизнеса (*Walle 2013*), а в последнее время также в эволюционной антропологии.

Характеристики ситуаций в отдельных субдисциплинах

Эксперимент с опросом AI как инструмента для зондирования современного состояния различных научных дисциплин дает при сужении запросов

рамками конкретной субдисциплины или отдельной области исследования несколько менее банальные результаты. Ниже я приведу примеры таких исследовательских областей и направлений, которыми я так или иначе занимался в рамках различных проектов в последние 10–15 лет, что дает возможность контролировать качество ответов со стороны AI. Такими областями являются: 1) весьма пестрое по своему составу и внутренне неоднородное движение, получившее в литературе наименование *онтологического поворота*; 2) исследования *распределенного сознания*, концепции которых обсуждаются, среди прочего, и в рамках когнитивной антропологии; 3) цифровая антропология (исключая цифровую гуманитаристику, в различных дисциплинах которой чаще всего речь идет об оцифровке материалов, а не о специфике исследований в киберпространстве).

На запрос о парадигмальной структуре *когнитивной антропологии* DeepSeek представил вполне корректный ответ, что по состоянию на 2025 г. эта субдисциплина разделена на сторонников так наз. распределенного сознания (*distributed cognition*; лидеры — Эдвин Хатчинз, Чарльз Гудвин); воплощенного, то есть интегрированного с телом разума (*embodied mind* — Тим Инголд, Томас Чордас); энактивизма (Франсиско Варела, Эван Томпсон, Андреас Рёпшторф); эволюционистского подхода (Паскаль Буайе, Скотт Атран) и интегрального или 4E (*embodied, enacted, extended, embedded*) подхода, объединяющего энактивизм с концепцией психосоматически целостного, контекстно укорененного и экологически распределенного сознания. Далее шел перечень уже не столько конфликтующих между собой парадигм, сколько специализаций в рамках когнитивной антропологии: нейроантропология (Даниэл Ленде, Грег Дауни), когнитивная экология или экология сознания (на мой взгляд, близкая до неотличимости от парадигмы распределенного сознания — Джон Гейтвуд, Дэвид Кроненфельд), феноменология (Майкл Джексон), семиотический подход (Теренс Дикон, Вебб Кеане), исследования индигенных таксономий, например, этнобиология (Брент Берли, Юджин Ханн), исследования метафор и т. д.

Поскольку во время работы над темами когнитивных экстензий, аффективных ниш и эвокативных объектов мне приходилось анализировать сложившиеся альянсы и противостояния в рамках соответствующих исследовательских сообществ, не ограничиваясь, впрочем, антропологией и антропологами (ср.: *Соколовский* 2020; 2022а, 2022б), я могу подтвердить адекватность предложенной DeepSeek картографии тематических областей, выданной его алгоритмами (в отличие от моих многомесячных разысканий) всего за 47 секунд, в течение которых он успел очертить и имеющиеся в этой дисциплине противостояния, а именно, между так наз. репрезентативизмом и энактивизмом, универсализмом и релятивизмом, вычислительным и дистрибутивным подходами к моделированию сознания, а также между перспективистскими онтологиями и так наз. реалистской или научной онтологией с ее единственной реальностью, и, наконец, между эволюционистским и культурным детерминизмом.

Однако стоит сделать предостережение для новичков, желающих быстро познакомиться с конкретной дисциплиной, ее темами, направлениями исследований и работами лидеров. Все современные поисковые системы, интегрировавшие разные версии AI, имеют существенные ограничения, позволяющие

использовать результаты запросов лишь в качестве *первичной ориентации* в дисциплине. Для более серьезного знакомства придется читать первоисточники и осваивать живые практики и действующие нормы этой дисциплины. В качестве недостатков систем AI даже на стадии ориентации и первого знакомства с конкретной дисциплиной можно упомянуть следующие: 1) очевидное влияние языковых барьеров; например, в приведенном выше перечне лидеров есть лишь авторы, публикующиеся в англоязычных журналах, хотя среди них представлены не только американцы и англичане; 2) другим ограничением, которое, видимо, вскоре будет преодолено, являются граница охватываемого периода, связанная с наличием данных, на которых система тренировалась — в них по понятным причинам отсутствуют не оцифрованные источники (например, значительная часть научной литературы, в особенности монографий, вышедших из печати до 1970-х годов или после 2023 г.).

Наличие этих ограничений легко продемонстрировать на конкретных примерах. Несколько лет назад я организовал тематический выпуск журнала канадской ассоциации антропологов *Anthropologica* «Онтологический поворот в российской антропологии» (2021, Vol. 63, no. 2), во вводной статье которого был предложен обзор публикаций российских антропологов, так или иначе связанных с идеологией онтологического поворота в разных его версиях (в частности, спекулятивного реализма, плоских онтологий и перспективизма), повлиявших на российские исследования в рамках таких субдисциплин как медицинская антропология и исследования тела, городская антропология, исследования материальной культуры и музейная антропология, техноантропология и STS и, наконец — на исследования индигенных мировоззрений (Sokolovskiy 2021). В обзор вошли около 50 публикаций двадцати двух российских антропологов. На запрос по данной теме DeepSeek выдал коллективную монографию по онтологическому повороту (Соколовский 2016а) и инициированный Сергеем Астаховым тематический выпуск журнала «Социология власти» (2017), со ссылкой, однако, не на сам этот журнал, а на его упоминание в том же самом тематическом выпуске *Anthropologica*. Странно, что алгоритм поиска не взял всю библиографию из вводной статьи этого выпуска журнала, перечислив только пять публикаций, при этом ошибочно приписав к литературе об онтологическом повороте упомянутую в моей вводной статье книгу А.К. Байбурина о жилище, а также работы чешского антрополога Людвиг Броза, использовавшего перспективистский подход для анализа алтайских материалов. Иными словами, AI вместо полусотни статей выдал перечень из шести работ шести российских авторов (и ни одной работы после 2021 г., поскольку они отсутствовали в этой статье, написанной в 2019 г.). Задачи исключения из перечня зарубежных исследователей, а также отбора литературы по собственно онтологическому повороту — от прочей, которая была упомянута в обзоре, были решены с ошибками. Помимо журнала *Anthropologica*, упомянутого несколько раз в списке источников для ответа, DeepSeek использовал лишь пару статей из открытой базы academia.edu (эти же статьи, впрочем, были опубликованы и в выпуске *Anthropologica*, редакция которого поощряет размещение статей на сторонних ресурсах), а также материалы весьма общего характера из китайских энциклопедий и сайтов, ни разу не обратившись непосредственно к публикациям в российских журналах. Все это позволяет сделать вывод, что использовать этот инструмент в научных целях следует с осторожностью, имея в виду, что на слишком общие вопросы он выдает банальные ответы, а в узкоспециализированных запросах оказывает-

ся в ряде случаев беспомощным; его поиск ориентирован по преимуществу на англоязычные источники ограниченного временного периода, а ответы могут содержать фактические ошибки (например, алгоритм плохо различает однофамильцев, приписывая работы одному из них и синтезируя биографии таких вымышленных персонажей).

Если вернуться к запросу относительно состояния когнитивной антропологии, эксперимент с запросом относительно этой области исследований в России дал весьма скромный результат. Упомянув, что это молодая дисциплина в стране, DeepSeek верно определил главные исследовательские центры (Институт когнитивных нейронаук НИУ ВШЭ и Институт когнитивных исследований СПбГУ с его магистерской программой по когнитивным наукам, среди преподавателей которой есть и антропологи, например, Александр Козинцев), но не смог предоставить сколько-нибудь удовлетворительного перечня действующих исследователей, перечислив только троих, двое из которых — В.А. Тишков и автор этой статьи — имеют сугубо косвенное отношение к этой области, а третий — В.А. Ключарёв, известный специалист по нейроэкономике, не является антропологом, хотя и занимается нейробиологией принятия решений². Впрочем, в одном отношении результат этого запроса оказался верным: вопреки богатому наследию, повлиявшему благодаря работам Л.С. Выготского, А.Р. Лурии и А.Н. Леонтьева на состояние когнитивной антропологии в мире, их исследования практически не сказались на состоянии российского аналога этой антропологической субдисциплины (за исключением диссертации И.В. Пономарева, выполненной под руководством А.А. Белика в Институте этнологии и антропологии РАН много лет назад), а полтора — два десятка антропологов, ведущих исследования по одной из тем в ее рамках, оказались мало связанными друг с другом и с сообществом российских когнитивистов в целом, о чем свидетельствуют, например, материалы I Национального конгресса по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике, прошедшего в Москве в октябре 2020 г., в котором российские представители психологической антропологии не участвовали. Поскольку тематика, которой занимаются действующие российские когнитивные антропологи, очень разнонаправленна (от эволюционной психологии до этноботаники и исследований этнических стереотипов), из-за отсутствия у них общего предмета сложно говорить о борьбе парадигм или концепций в рамках этой субдисциплины в целом. Возможно, в будущем такой предмет появится, но пока ситуация в ней, если говорить именно о российском случае, может быть определена как до- или предпарадигмальная, что и объясняет отсутствие очевидного прогресса в ее развитии в стране.

Я завершу этот краткий экскурс по антропологическим субдисциплинам и специализациям рассмотрением еще одного, хорошо знакомого российским антропологам, случая. Этим кейсом, позволяющим сделать некоторые наблюдения, имеющие отношения в дискуссии о парадигмах в социальных

² Такие авторы как И.С. Кон, М.Л. Бутовская, А.Г. Козинцев, Н.М. Лебедева, А.А. Белик, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, В.И. Харитоновна, Е.В. Миськова, К.В. Истомина, И.В. Пономарёв в ответе DeepSeek отсутствовали, не говоря уже о фамилиях исследователей в столь специфичной подобласти когнитивной антропологии как народные таксономии (*folk knowledge*), например, И.Ю. Винокуровой, В.Б. Колосовой, М.В. Станюкович, А.Б. Ипполитовой, С.Х. Шахапсоева и др. (в данной области работает несколько десятков авторов, а результаты их исследований отражены в более чем 300 публикациях).

науках, будет советская и постсоветская *этнология*, своеобразной эмблемой которой является так наз. *теория этноса* в ее различных вариациях. Мне уже приходилось писать о спекулятивном и описательно-типологическом характере бытующих в ней концепций этнической реальности (Соколовский 2009, Sokolovskiy 2012). Однако на этот раз я хочу привлечь внимание к до сих пор не обсуждавшимся аспектам этих концепций в контексте проблемы парадигмального знания в социальных и гуманитарных дисциплинах. Научность концепций обычно определяется их отношением к *объективности* (соответствием установленным фактам, при всех возможных оговорках относительно статуса самих фактов), а также их возможностями *предсказания* событий, то есть степени их приближения к раскрытию закономерностей. Нельзя отрицать, что в некоторых социальных науках такие закономерности установлены, и именно они позволяют делать краткосрочные или долгосрочные прогнозы. Примерами такого рода закономерностей могут служить циклы Кондратьева в экономике и разработанные в социальной психологии и семиотике обобщения, положенные в основу социальных технологий, позволяющих манипулировать выборами (имиджмейкерство и PR, массмедиа), поведением покупателей (маркетинг, брэндинг) и поведением толпы (цветные революции и перевороты)³.

Посмотрим теперь на возможности прогноза в советской этнологии в области исследований этнических процессов и так наз. межэтнических отношений. Концепция этноса в версии Ю.В. Бромлея остается в данном отношении исключительно *типологически-описательной*. Опираясь на предшествовавшие ему исследования этногенеза различных сообществ, их формирования и исчезновения в результате объединения (смешения) и разделения, он попытался упорядочить историческую мозаику процессов идентификации, потратив много сил на разработку терминосистемы, в которой каждый вид объединения и разделения этих сообществ получил отдельное наименование. Оставаясь абстрактной, эта схема оказалась дальше от реальности по сравнению с предшествовавшими ей этногенетическими концепциями, которые оперировали конкретными данными археологии, лингвистики и исследований культуры в ее материальных и нематериальных аспектах. Она очевидно не имела никакой предсказательной силы и не претендовала на формулирование новых закономерностей. Тем не менее, по сравнению, например, с развиваемой параллельно марксистскими историками и философами «теорией нации», она воспринималась современниками как «более научная». В основе такого восприятия лежало уже отмеченное выше противопоставление двух оперирующих в научных дисциплинах идеологий — собственно *научной* с ее нормами объективности и истинности и идеологии *политической* — с ее регулятивами политической целесообразности и соответствия марксистскому учению.

В свою очередь, построенная на оригинально интерпретированных данных этногенетических исследований «теория этноса» в версии Л.Н. Гумилева оказалась *спекулятивной* как раз в результате попыток ее автора сделать эту концепцию предсказательной, иными словами — научной. Избранные Гумилевым

³ В скобках замечу, что все эти технологии и знания успешно развиваются как раз в тех областях, где есть существенная финансовая поддержка и налицо очевидность эффективного практического приложения соответствующих знаний (свежими примерами являются пентагоновская программа поддержки научных исследований *Human Terrain* и программы USAID).

в качестве каузальных факторов, обуславливающих формирование, экспансию и угасание этнических сообществ, космические влияния (циклы солнечной активности) остались в статусе гипотезы *ad hoc*, построенной на примерах, соответствие которых предложенной модели оспаривалось и археологами, и историками, и климатологами, и геологами, и астрофизиками, в той мере, в которой приведенные в поддержку гипотезы данные относились к их дисциплинам.

Обе концепции, каждая по-своему, таким образом, не дотягивали до статуса парадигмы в смысле Куна. Первая из них представляла собой нечто вроде квазипарадигмы, поскольку в середине 1980-х годов она пользовалась поддержкой значительной части дисциплинарного сообщества, так что можно говорить о консенсусе, который мог восприниматься как консолидированная позиция для научного обсуждения, критики и дальнейшего развития этой концепции. Достичь статуса парадигмы ей, на мой взгляд, помешали два фактора: 1) ее истоки, связанные с народнической идеей спасения угасающих культур и народов (*salvage anthropology*), которые в 1960–1970-х годах под влиянием системного подхода и кибернетики трансформировались в негэнтропийный принцип сохранения разнообразия ради социальной стабильности; и 2) ее близость к марксистской стадияльной схеме развития общества («от племени к нации»), сделавшей этнические сообщества заложниками политических проектов в рамках столь специфически понимаемого развития «отставших». Концепцию Гумилева в глазах научного сообщества сгубила спекулятивность построений (есть все основания рассматривать ее как псевдопарадигму), а в глазах многих политиков — легкость, с которой она вписывалась в локальные националистические нарративы, подчеркивающие пассионарность и превосходство национальных элит, использовавших эту концепцию как политический ресурс.

Вся российская этнология с ее фокусом на исследованиях этничности (в отличие от антропологии как науке о человеке со всеми разнообразными идентичностями и практиками), как мне уже неоднократно приходилось отмечать (Соколовский 2014, 2016б), оказалась заложницей двух конфликтующих политических идеологий и обслуживающих их дискурсов — имперской с идеей сплочения населения в рамках политических границ государства, и идеологий локальных национализмов с идеями первенства, древности, пассионарности и превосходства своего народа над соседними. Российское этнологическое сообщество (я исключаю из него исследователей-антропологов, не занимающихся изучением культур исключительно в их этническом измерении) и по сей день остается разделенным на два лагеря (несколько огрубляя соответствующие предметы, можно утверждать, что одни изучают современные этнические процессы и конфликты, а другие — традиционную культуру), между представителями которых нет открытой полемики. Их члены, как это очевидно из политики цитирования и публикаций, размещают свои работы в разных журналах и практически не ссылаются на исследования этнологов из другого лагеря. Такая ситуация свидетельствует о квазипарадигмальном статусе циркулирующих в рамках этой дисциплины концепций, поскольку при наличии полноценных парадигмальных образований дискуссии между носителями конкурирующих парадигм были бы неизбежны.

Таким образом, рассмотрение ситуаций с конфигурациями антропологического знания в разных исследовательских областях и направлениях с точ-

ки зрения наличия или отсутствия парадигмальных структур демонстрирует высокую вариативность таких ситуаций, которую обеспечивают такие факторы, как: 1) соотношение собственно научных и политических норм и регулятивов в рамках таких направлений; 2) характер формирующегося на их основе консенсуса (творческого или догматического); 3) институциональная инерция, обуславливающая передачу устаревших знаний; 4) влияние соседних дисциплин (их парадигм, методов, теорий, концепций); 5) влияние особенностей национальной традиции. Все это препятствует формулированию общих утверждений о состоянии антропологического знания в целом, однако предлагает исследователям (историкам и философам науки, антропологам, интересующимся прошлым и настоящим собственных направлений с точки зрения их будущего) программу сравнительного анализа на уровне антропологических субдисциплин и специализаций, в рамках которых такое рассмотрение оказывается вполне осмысленным.

Литература

- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
- Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Соколовский С. В. Российская антропология: иллюзия благополучия // Неприкосновенный запас. 2009. № 1 (63). С. 45–64.
- Соколовский С. В. Зеркала и отражения, или еще раз о ситуации в российской антропологии // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 143–188.
- Соколовский С. В. (ред.) Российская антропология и онтологический поворот. Томск: Изд-во ТГУ, 2016а. 304 с.
- Соколовский С. В. Дисциплинарная структура российской антропологии и развитие новых направлений // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии (отв. ред. и сост. Г.А. Комарова). М., 2016б. С. 31–52.
- Соколовский С. В. Экстенсии как техносоматические сборки: к истории одной идеи // Corpus Mundi. 2020. Т. 1. № 1. С. 15–35.
- Соколовский С. В. Вещи, аффекты и экология разума: о материальных аспектах политики идентичности // Этнографическое обозрение. 2022а. № 5. С. 57–75.
- Соколовский С. В. «Человек-в-его-среде» как предмет холистской антропологии: ответ оппонентам // Этнографическое обозрение. 2022б. № 5. С. 99–113.
- Allport G. W. Personality: A Psychological Interpretation. N.Y.: Holt, Rinehart, & Winston, 1937.

- Barnard A., Spencer J.* Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology. L.: Sage, 2010.
- Birx J.* (ed.). Encyclopedia of Anthropology. In 5 vols. L.: Sage, 2006.
- Bruner J.* The Culture of Education. Cambridge: Harvard University Press, 1996.
- Callan, H.* (ed.) International Encyclopedia of Anthropology. 2018. John Wiley and Sons.
URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/browse/book/10.1002/9781118924396/>.
- Cameron S. C., Wycoff S. M.* The Destructive Nature of the Term «Race»: Growing Beyond a False Paradigm // Journal of Counseling & Development. 1998. No. 76 (3). P. 277–285.
doi:10.1002/j.1556-6676.1998.tb02543.x
- Casson R. W.* Expansions of Two Paradigms in Linguistic Anthropology // Current Anthropology. 1997. No. 38(2). P. 317–318. doi:10.1086/204616.
- Collins H.* The Changing Order: Replication and Induction in Scientific Practice. Beverly Hills: Sage, 1985.
- Duranti A.* Language as Culture in U.S. Anthropology // Current Anthropology. 2003. No. 44 (3). P. 323–347. doi:10.1086/368118
- Eberhardt N.* Piaget and Durkheim: Competing paradigms in the anthropology of morality // Anthropological Theory. 2014. No. 14 (3). P. 301–316. doi:10.1177/1463499614534552
- Fernandez J. W.* Paradigms and other speculative instruments of social anthropology // Reviews in Anthropology. 1974. No. 1 (4). P. 603–614. doi:10.1080/00988157.1974.9977132
- Forte M.* Globalization and World-Systems Analysis: Toward New Paradigms of a Geo-Historical Social Anthropology (A Research Review) // Review (Fernand Braudel Center). 1998. Vol. 21, No. 1. DOI: 10.2307/40241416.
- Gilbert N., Mulkey M.* Opening Pandora's Box. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Hart D., Nguyen H. T., Akifyeva R., Elias P.* An Anthropology of Anthropology: Is it Time to Shift Paradigms? // Anthropological Forum. 2019. No. 1–3. doi:10.1080/00664677.2019.1657671
- Hoffman C.* Introductory Overview of Archaeology's and Cultural Anthropology's Shifting Paradigms // Anthropology of Consciousness. 2011. No. 22 (1). P. 69–71. doi:10.1111/j.1556-3537.2011.01041.x
- Jennaway M.* Paradigms, Postmodern Epistemologies and Paradox: The Place of Feminism in Anthropology // Anthropological Forum. 1990. No. 6 (2). P. 167–189.
doi:10.1080/00664677.1990.99
- Keller J. D.* The Limits of the Habitual: Shifting Paradigms for Language and Thought // A Companion to Cognitive Anthropology. 2011. P. 61–81. doi:10.1002/9781444394931.ch4

- Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. 2nd enlarged ed. Chicago: The University of Chicago Press, [1962]. 1970.
- Keesing R. M.* Paradigms Lost: The New Ethnography and the New Linguistics // *Southwestern Journal of Anthropology*. Vol. 28, No. 4 (Winter, 1972). P. 299–332.
- Knorr-Cetina K.* The Manufacture of Knowledge. Oxford: Pergamon, 1981.
- Kuklick H.* Islands in the Pacific: Darwinian biogeography and British anthropology // *American Ethnologist*. 1996. No. 23(3). P. 611–638.
- Kuklick H.* After Ishmael: The Fieldwork Tradition and Its Future. In: Gupta A., Ferguson J. *Anthropological Locations: Boundaries and Grounds of a Field Science*. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 47–65.
- Kuklick H.* Reflections on the History of Fieldwork, with Special Reference to Sociocultural Anthropology // *Isis*. 2011. Vol. 102, No. 1 (March 2011). P. 1–33.
- Kurtz D. V.* *Political Anthropology. Paradigms and Power*. Oxford: Westview Press, 2001. 251 pp.
- Latour B., Woolgar S.* *Laboratory Life*. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Mannheim K.* *Ideology and Utopia*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1936.
- Marcus G. E., Pizarro M.* The End(s) of Ethnography: Social/Cultural Anthropology's Signature Form of Producing Knowledge in Transition. *Cultural Anthropology*. 2008. No. 23 (1). P. 1–14.
- Masterman M.* The Nature of a Paradigm // Lakatos I., Musgrave A. *Criticism and the Growth of Knowledge (Proceedings of the International Colloquium in the Philosophy of Science, London, 1965)*, 1970. P. 59–90. doi:10.1017/CBO9781139171434.0.
- McGee R. J., Warms R. L.* (eds.). *Theory in Social and Cultural Anthropology: An Encyclopedia*. L.: Sage, 2013.
- Meijl T. van.* Multiculturalism, multiple identifications and the dialogical self: shifting paradigms of personhood in sociocultural anthropology // *Handbook of Dialogical Self Theory*. (n.d.). P. 98–114. doi:10.1017/cbo978113903043.
- Moore H., Sanders T.* (eds). *Anthropology in Theory: Issues in Epistemology*. Oxford: Blackwell Publ., 2006.
- Ortner S.* Theory in Anthropology since the Sixties // *Comparative Studies in Society and History*. 1984. No. 26. P. 126–166.
- Prattis J. I.* Competing Paradigms and False Polemics in Economic Anthropology // *Anthropological Quarterly*. 1973. No. 46 (4). P. 278–296. doi:10.2307/3316669.
- Scholte B.* Cultural Anthropology and the Paradigm-Concept: A Brief History of Their Recent Convergence // *Functions and Uses of Disciplinary Histories*. 1983. P. 229–278. https://doi.org/10.1007/978-94-009-7035-9_9.

- Sokolovskiy S.* Writing the History of Russian Anthropology // Albert Baiburin, Catriona Kelly, Nikolai Vakhtin (eds). *Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism*. New York: Routledge, 2012. P. 25–49.
- Sokolovskiy S.* Turning towards Materiality, Nonhuman Agency, and Hybridity // *Anthropologica*. 2021. Vol. 63, No. 2. 23 pp. doi.org/10.18357/anthropologica63220211044.
- Stocking G. W., Jr.* *The Ethnographer's Magic and Other Essays in the History of Anthropology*. Madison: University of Wisconsin Press, 1992.
- Tomas D.* Tools of the Trade: The Production of Ethnographic Observations on the Andaman Islands, 1858–1922 // *Colonial Situations: Essays on the Contextualization of Ethnographic Knowledge*. George W. Stocking, Jr., ed. Madison: University of Wisconsin Press, 1991. P. 75–108.
- Walle A.* Substantive Paradigms and Business Anthropology // *Rethinking Business Anthropology: Cultural Strategies in Marketing and Management*. 2013. doi:10.9774/leaf.978-1-907643-61-3_19.
- Yengoyan A.* Theory in Anthropology: On the Demise of the Concept of Culture // *Comparative Studies in Society and History*. 1986. No. 28. P. 368–374.

Research article

Sokolovskiy S. V. Struktury sovremennogo antropologicheskogo znaniya s pozicii biologicheskogo razuma i iskusstvennogo intellekta [Structures of contemporary anthropological knowledge from the perspective of biological and artificial intelligence] *Anthropologies*, 2025, no 1, pp. 5-28, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-1/5-28>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sokolovskiy S. V. | sokolovskiserg@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Center of Anthropoecology

Abstract

The article examines the existence of paradigm structures in current anthropology. The author comments on the roles of disciplinary matrix and consensus for the development of anthropological disciplines. The assessments of the thematic domains of several anthropological subdisciplines obtained from DeepSeek (R1) and/or OpenAI DeepResearch are compared with the author's assessments of the current state of these anthropological specializations. The article lists some shortcomings of AI platforms compared with specialists' assessments.

Keywords: anthropological knowledge, anthropological theories, paradigm, subdiscipline, cognitive anthropology, ethnology, ontological turn, DeepSeek (R1), OpenAI DeepResearch

References

- Allport, G. W. 1937. *Personality: A Psychological Interpretation*. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston.
- Barnard, A., Spencer, J. 2010. *Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology*. L.: Sage.
- Birx, J. (ed.). 2006. *Encyclopedia of Anthropology*, in 5 vols. L.: Sage.
- Bruner, J. 1996. *The Culture of Education*. Cambridge: Harvard University Press.
- Callan, H. (ed.) 2018. *International Encyclopedia of Anthropology*. John Wiley and Sons. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/browse/book/10.1002/9781118924396/>.
- Cameron, S. C., Wycoff, S. M. 1998. The Destructive Nature of the Term «Race»: Growing Beyond a False Paradigm. *Journal of Counseling & Development*, 76, 3: 277–285. doi:10.1002/j.1556-6676.1998.tb02543.x
- Casson, R. W. 1997. Expansions of Two Paradigms in Linguistic Anthropology. *Current Anthropology*, 38, 2: 317–318. doi:10.1086/204616.
- Collins, H. 1985. *The Changing Order: Replication and Induction in Scientific Practice*. Beverly Hills: Sage.
- Duranti, A. 2003. Language as Culture in U.S. Anthropology. *Current Anthropology*, 44, 3: 323–347. doi:10.1086/368118
- Eberhardt, N. 2014. Piaget and Durkheim: Competing paradigms in the anthropology of morality. *Anthropological Theory*, 14, 3: 301–316. doi:10.1177/1463499614534552
- Fernandez, J. W. 1974. Paradigms and other speculative instruments of social anthropology. *Reviews in Anthropology*, 1, 4: 603–614. doi:10.1080/00988157.1974.9977132
- Forte, M. 1998. Globalization and World-Systems Analysis: Toward New Paradigms of a Geo-Historical Social Anthropology (A Research Review). *Review, Fernand Braudel Center*, 21, 1. DOI: 10.2307/40241416.
- Gilbert, N., Mulkey, M. 1984. *Opening Pandora's Box*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hart, D., Nguyen, H. T., Akifyeva, R., Elias, P. 2019. An Anthropology of Anthropology: Is it Time to Shift Paradigms? *Anthropological Forum*, 1, 3. doi:10.1080/00664677.2019.1657671
- Hoffman, C. 2011. Introductory Overview of Archaeology's and Cultural Anthropology's Shifting Paradigms. *Anthropology of Consciousness*, 22, 1: 69–71. doi:10.1111/j.1556-3537.2011.01041.x
- Jennaway, M. 1990. Paradigms, postmodern epistemologies and paradox: The place of feminism in anthropology // *Anthropological Forum*. 6(2): 167–189. doi:10.1080/00664677.1990.99

- Keller, J. D. 2011. The Limits of the Habitual: Shifting Paradigms for Language and Thought. *A Companion to Cognitive Anthropology*: 61–81. doi:10.1002/9781444394931.ch4
- Kuhn T. [1962] 1970. *The Structure of Scientific Revolutions*. 2nd enlarged ed. Chicago: The University of Chicago Press,
- Kuhn, T. 1977. *Struktura nauchnykh revoliucii* [The Structure of Scientific Revolutions]. M.: Progress.
- Keesing, R. M. 1972. Paradigms Lost: The New Ethnography and the New Linguistics. *Southwestern Journal of Anthropology*, 28, 4: 299–332.
- Knorr-Cetina, K. 1981. *The Manufacture of Knowledge*. Oxford: Pergamon.
- Kuklick, H. 1996. Islands in the Pacific: Darwinian biogeography and British anthropology. *American Ethnologist*, 23,3: 611–638.
- Kuklick, H. 1997. After Ishmael: The Fieldwork Tradition and Its Future. In: Gupta A., Ferguson J. *Anthropological locations: boundaries and grounds of a field science*. Berkeley: University of California Press: 47–65.
- Kuklick, H. 2011. Reflections on the History of Fieldwork, with Special Reference to Sociocultural Anthropology. *Isis*, 102, 1: 1–33.
- Kurtz, D. V. 2001. *Political Anthropology. Paradigms and Power*. Oxford: Westview Press.
- Latour, B. 2014. *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory]. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Latour, B. 2013. *Nauka v deistvii: sleduia za uchenymi i inzhenerami vntri obshchestva* [Science in Action: Following Scientists and Engineers within society]. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta.
- Latour, B., Woolgar, S. 1986. *Laboratory Life*. Princeton: Princeton University Press.
- Mannheim, K. 1936. *Ideology and Utopia*. L.: Routledge & Kegan Paul.
- Marcus, G. E., Pizarro, M. 2008. The End(s) of Ethnography: Social/Cultural Anthropology's Signature Form of Producing Knowledge in Transition. *Cultural Anthropology*, 23, 1: 1–14.
- Masterman, M. 1970. The Nature of a Paradigm. *Lakatos I., Musgrave A. Criticism and the Growth of Knowledge. Proceedings of the International Colloquium in the Philosophy of Science*. London, 1965: 59–90. doi:10.1017/CBO9781139171434.0.
- McGee, R. J., Warmes, R. L. (eds.). 2013. *Theory in Social and Cultural Anthropology: An Encyclopedia*. L.: Sage.
- Meijl, T. van. (n. d.). Multiculturalism, multiple identifications and the dialogical self: shifting paradigms of personhood in sociocultural anthropology. *Handbook of Dialogical Self Theory*: 98–114. doi:10.1017/cbo978113903043.

- Moore, H., Sanders, T. (eds). 2006. *Anthropology in Theory: Issues in Epistemology*. Oxford: Blackwell Publ.
- Ortner, S. 1984. Theory in Anthropology since the Sixties. *Comparative Studies in Society and History*, 26: 126–166.
- Prattis, J. I. 1973. Competing Paradigms and False Polemics in Economic Anthropology. *Anthropological Quarterly*, 46, 4: 278–296. doi:10.2307/3316669.
- Scholte, B. 1983. Cultural Anthropology and the Paradigm-Concept: A Brief History of Their Recent Convergence. *Functions and Uses of Disciplinary Histories*: 229–278. https://doi.org/10.1007/978-94-009-7035-9_9.
- Sokolovskiy, S. V. 2009. Rossiiskaia antropologiya: illuziya blagopoluchiya [Russian Anthropology: the Illusion of Well-being]. *Neprikosnovennyi zapas*, 1, 63: 45–64.
- Sokolovskiy, S. 2012. Writing the History of Russian Anthropology. Albert Baiburin, Catriona Kelly, Nikolai Vakhtin (eds). *Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism*. New York: Routledge: 25–49.
- Sokolovskiy, S. V. 2014. Zerkala i otrazheniya, ili eshche raz o situatsii v rossiiskoi antropologii [Mirrors and reflections, or once again about the situation in Russian anthropology]. *Antropologicheskii forum*, 20: 143–188.
- Sokolovskiy, S. V. (red.) 2016a. *Rossiiskaia antropologiya i ontologicheskii povorot* [Russian Anthropology and the Ontological Turn]. Tomsk: Izd-vo TGU. 304 s.
- Sokolovskiy, S. V. 2016b. Disciplinarnaya struktura rossiiskoi antropologii i razvitiye novykh napravlenii [The disciplinary structure of Russian Anthropology and the development of new directions]. *Fenomen mezhdisciplinarnosti v otechestvennoi etnologii* (ed. G.A. Komarova). M., S. 31–52.
- Sokolovskiy, S. V. 2020. Ekstensii kak tekhnosomaticheskie sborki: k istorii odnoi idei [Extensions as Technosomatic Assemblies: Towards the History of an Idea]. *Corpus Mundi*, 1, 1: 15–35.
- Sokolovskiy, S. 2021. Turning towards Materiality, Nonhuman Agency, and Hybridity. *Anthropologica*, 63, 2. 23 pp. doi.org/10.18357/anthropologica63220211044.
- Sokolovskiy, S. V. 2022a. Veshchi, affekty i ekologiya razuma: o material'nykh aspektakh politiki identichnosti [Things, Affects, and the Ecology of the Mind: on the Material Aspects of Identity Politics]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 5: 57–75.
- Sokolovskiy, S. V. 2022b. «Chelovek-v-ego-srede» kak predmet kholistskoi antropologii: otvet opponentam [«Human-in-environment» as a subject of holistic anthropology: a response to opponents]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 5: 99–113.
- Stocking, G.W., Jr. 1992. *The Ethnographer's Magic and Other Essays in the History of Anthropology*. Madison: University of Wisconsin Press.

- Tomas, D. 1991. Tools of the Trade: The Production of Ethnographic Observations on the Andaman Islands, 1858–1922. *Colonial Situations: Essays on the Contextualization of Ethnographic Knowledge*. George W. Stocking, Jr., ed. Pp. 75–108. Madison: University of Wisconsin Press.
- Walle, A. 2013. Substantive Paradigms and Business Anthropology. *Rethinking Business Anthropology: Cultural Strategies in Marketing and Management*. doi:10.9774/gleaf.978-1-907643-61-3_19.
- Yengoyan, A. 1986. Theory in Anthropology: On the Demise of the Concept of Culture. *Comparative Studies in Society and History*, 28: 368–374.

